

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9.01

Ю. Е. Зайцева

МОДЕЛЬ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА СТИЛЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Настоящая статья раскрывает модель нарративного анализа стиля личной идентичности в теоретических и методологических рамках экзистенциально-нарративного подхода. Анализируются когнитивные механизмы поиска самоидентичности в пространстве жизненного выбора. Показывается связь между параметрами атрибуции причин поведения и стилями конструирования будущей идентичности. В качестве основного инструмента анализа и интеграции своего Я рассматривается нарративная схема автобиографического повествования. Эмпирически показано, как структура Я-нарратива и тип нарративной согласованности эпизодов во времени жизни связаны со стратегиями самоопределения, авторством и ценностным потенциалом интеграции негативного опыта. Приводятся методические техники анализа Я-нарратива. Обсуждается дискурсивный контекст феноменологии утраты идентичности, когнитивной иллюзии Я и экзистенциальной идентичности. Библиогр. 38 назв. Ил. 3. Табл. 4.

Ключевые слова: идентичность, Я-нарратив, самоидентичность, автобиография, нарративная схема, нарративная согласованность, стиль идентичности, конструирование идентичности, экзистенциальная психология, нарративная психология, иллюзия Я.

Yu. E. Zaitseva

MODEL OF NARRATIVE ANALYSIS OF PERSONAL IDENTITY STYLE

This article represents the Model of Narrative analysis of Personal Identity Style framed, methodologically and theoretically, in a narrative-existential approach. Socio-cognitive mechanisms of identity construction by the Life Decisions processes are discussed. The coordination of the causal attribution cognitive schema and identity styles are analyzed. A narrative schema of autobiography is studied as the basic instrument of autobiographical reasoning, self-integration and identity construction. Empirically provided covariation between self-narrative structure of self-defining memories, typical narrative coherence of autobiography, and identity construction stratagems, positive re-interpretation and valuation of negative experience, the positioning of the Self as an Author of one's life. The technique of Self-narrative schema coding (the 'Golden Fish' metaphor of coding system) in frame of this Model is

Зайцева Ю. Е. — кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; J.E.Zaitseva@spbu.ru

Zaitseva Yu. E. — PhD, Associate Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; J.E.Zaitseva@spbu.ru

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФНФ научного проекта №15-36-01357

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

presented for the first time. The discursive context of modern identity phenomena such as Null Identity, Self-illusion and Existential Identity is disclosed. Refs 38. Figs 3. Tables 4.

Keywords: identity, Self-Narrative, autobiography, narrative schema, narrative coherence, identity style, identity construction, existential psychology, narrative psychology, self-illusion.

«Мы ... существа в процессе своего становления, чья идентичность возникает и постоянно трансформируется, преобразуясь нашими действиями и размышлениями», — утверждает М. Джонсон в своей работе, посвященной анализу вклада когнитивных наук в современную этику [1, с. 148]. Он показывает, что не существует той самости, которая бы предсуществовала моральным выборам человека. Именно в процессе разрешения конкретных жизненных ситуаций, совершая жизненный и моральный выбор человек обретает свою идентичность. Каждым следующим актом он одновременно открывает ее для себя и конструирует. Перспектива взгляда на идентичность как на процесс, постоянный поиск самоидентичности становится основной парадигмой современных психологических, социокультурных и философских моделей [2–10].

Здесь стоит различать формальную и эмпирическую идентичность [11]. Первая соответствует логическому акту отнесения объекта к уникальному классу и не требует жизненных усилий по своему поддержанию. Так, в каждый отдельный момент времени любой объект тождествен самому себе и чем-то отличается от других. «Я — это Я и не могу быть ничем иным». Вторая же помещает субъекта в ситуацию течения времени, где «отличие предмета от самого себя» [12] — маркер не только временной перспективы, но и риска исчезновения, утраты самоидентичности. Сохранение уникальности (как отличия от других) и самоподобия (как сходства с самим собой во времени) требует от субъекта жизненных усилий и самоосознания. Пространственное измерение идентичности П. Рикер [13] сопоставлял с понятием *Ipse* (самость) — тождество самому себе в противоположность подобию иным, а временное — с *Idem* (то, о чем уже упоминали), неизменное в противоположность изменяющемуся. Парадокс неизменной внутренней самости заключается в невозможности ее адаптации к изменчивой внешней реальности. Но признание принципиальной невозможности самоопределения с учетом изменчивости внутренней и внешней реальности приводит к утрате моральной ответственности. «Самость полностью исчезает лишь тогда, когда персонаж уклоняется от всякой проблематики этической идентичности в смысле способности считать себя ответственным за свои действия» [13, с. 100]. Таким образом, способность к отождествлению различного во времени и различению в пространстве общности с другими объектами становится не только критерием когнитивного развития человека, но, в применении к своей индивидуальности, моральным требованием.

«Множественность», «динамичность», «текучесть», «рассредоточенность», «расколотость», «разуподобление», «зыбкость» — эти атрибуты все чаще приписываются идентичности современным дискурсом [2–9]. Кризис идентификации описывается постмодернистами [2, 10, 14] как отсутствие у индивида условий, культурных средств, которые обеспечили бы ему возможность адекватного и целостного восприятия самого себя. Подвергается сомнению сама возможность самоидентичности личности. С трудом проходят проверку личным опытом

повседневности привычные способы самоидентификации через символическое отождествление с внутренними или внешними константами: духовной сущностью (духом, душой, сознанием), телесностью (полом, расой, этносом), идеологией (религией, гражданственностью, ценностями). Утрата веры в «метарассказы» [6, 8, 10, 11] приводит к тому, что человеку все труднее обозначать свою собственную позицию по отношению ко множеству аксиологических детерминант [10]. В итоге возникает закономерное желание вовсе отказаться от идентичности. «Идентичность обнаружила тенденцию не только к расколотости, но и к утрате смыслового содержания. При огромном разнотравье культурного изобилия обнаружилось стремление к нивелировке, к стиранию самости, к отчуждению самобытности. Идентичность устремилась к нулевой отметке, играя разнообразными оттенками безмыслия, безволия, безэмоциональности», — отмечает П. С. Гуревич [2, с. 316], описывая в качестве нового феномена современной культуры «нулевую» идентичность. Поиск самотождественности как антропологическая потребность («все сущее на свете хочет быть собою») последовательности уступает стремлению «изъять себя из всех определений» [2, 4, 9].

Со времен Э. Эриксона [15], артикулировавшего проблему идентичности в психологии как возрастную задачу подросткового этапа, понимание статусов идентичности изменилось [8, 16]. Достижение идентичности (осознанной приверженности определенным жизненным ориентирам, придающим уверенность в себе и осмысленность жизненных перспектив) и диффузный ее характер все реже рассматриваются как альтернативы. Постоянный процесс конструирования, защиты и переконструирования идентичности требует особых механизмов деконструкции самотождественности. В качестве новообразования зрелости рассматривается формирование устойчивых стилевых особенностей поиска новых идентичностей. Диффузия идентичности понимается не как маркер неуспешности, но как равноправная стилевая особенность. Так, например, согласно теоретической модели М. Берзонского [8], поиск самотождественности в пространстве значимых жизненных решений связан с доминирующими когнитивными стратегиями (стилями) внедрения новых аспектов идентичности: *нормативный стиль* (с оглядкой на прошлую идентичность и значимых других); *информационный* (с ориентацией на максимально полную информацию о возможных будущих идентичностях); *диффузно-избегающий* (удерживающий себя от определенности относительно своего я). Следовательно, мы можем предположить, что человек с преобладающей информационной стратегией будет готов вновь и вновь отождествлять себя с новым, будет открыт переменам и динамичен в устанавливаемых отношениях; нормативный стиль будет коррелировать с консервативной жизненной установкой — ориентацией на сохранение уже обретенного тождества, стремление защитить достигнутые связи; а диффузно-избегающий, вероятнее всего, будет стимулировать поиск самотождества в неопределенности, потенциальности нулевой идентичности.

Личную идентичность в таком теоретическом контексте можно определить как попытку самого человека найти в себе устойчивую во времени, в различных ситуационных контекстах и отличающую его от других линию поведения. Трехмерная модель атрибуции причин поведения Г. Келли (рис. 1.) [17] описывает когнитивные схемы, к которым чаще всего прибегают люди при решении подобной задачи.

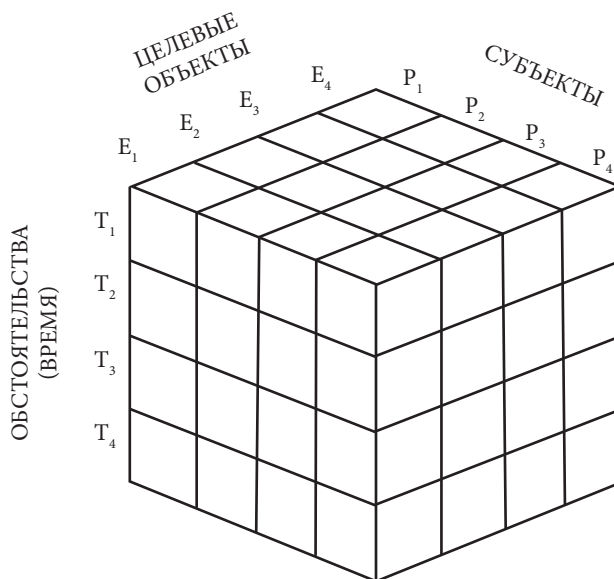

Рис. 1. Куб Г. Келли. Трехмерная модель атрибуции причин поведения: субъект (persons), целевой объект (entities), обстоятельства, время (time) [17]

Для того чтобы корректно атрибутировать причину поведения (приписать ему авторство поступка), человек отвечает на три вопроса.

1. О консенсусе, согласованности (consensus): одинаково ли поведение большинства людей в этой ситуации? 2. О последовательности (consistency): различается ли поведение человека в разных ситуациях? 3. О ситуационных различиях (distinctiveness): именно в этой ситуации, по отношению к этим объектам или людям, большинство ведет себя так?

Таким образом, интерпретируя свое поведение с целью конструирования личной идентичности, субъект должен описать: 1) различия нескольких жизненных ситуаций (контекстов, обстоятельств, целей); 2) активного субъекта во временной перспективе; 3) существование альтернативной модели поведения у других людей в схожей ситуации, а затем сформулировать объединяющий его поведенческую линию принцип.

Основными инструментами подобного самоопределения могут выступать социальная самокатегоризация, описание системы субъективных ценностно-смысловых отношений или автобиографический Я-нарратив. Мы полагаем, что именно последний позволяет учесть и полноценно проанализировать изменчивость каждого из описанных параметров и смысловую целостность их объединения. **Нарративная схема** — это когнитивный механизм организации информации с целью понимания смысла социального взаимодействия героев, разворачивающегося во времени и пространстве [18, 19]. Обязательными структурными элементами нарративной схемы являются: 1) начало истории (отдельного эпизода или всей автобиографии); 2) ее кульминация в виде столкновения намерения (интенции) главного героя и препятствия (пресса); 3) окончание истории; 4) ценностная интеграция; 5) главный герой истории — персонаж, реализацию намерения которо-

го прослеживает рассказчик в своем повествовании. Тип, тон, тема Я-нарратива фиксируют особенности начала и окончания историй, активность или пассивность героя, его намерения и характер препятствий, успех или неудачи, извлечение опыта или его обесценивание, правила согласования эпизодов во времени.

Предложенная нами схема нарративного анализа жизненных историй, образно представленная на рис. 2 в виде «золотой рыбки», позволяет проследить типичные индивидуальные особенности в построении нарративной схемы.

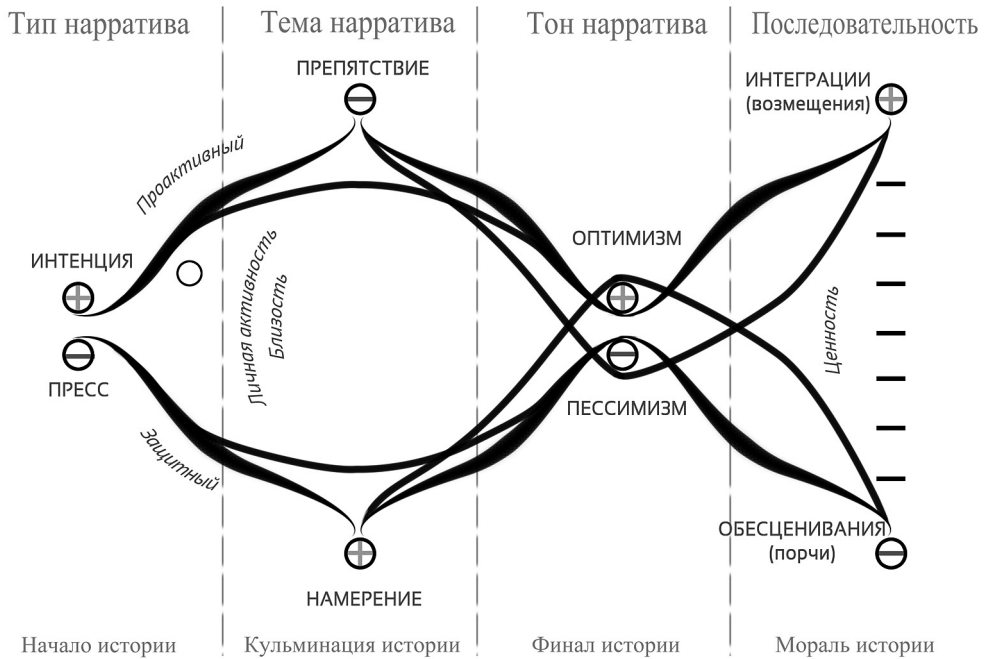

Рис. 2. Схема нарративного анализа жизненной истории («золотая рыбка»)

Для того чтобы быть понятным, повествование должно быть организовано по определенной схеме [19–21]. Главный герой истории — персонаж, реализацию намерения которого прослеживает рассказчик в своем повествовании. В качестве прессы могут выступать намерения других героев, жизненные обстоятельства, качества самого героя, случай и пр. Столкновение намерения (интентции, потребности) и препятствия (пресса) образует тему повествования. Разрешение темы в пользу реализации намерения героя или отступления под давлением прессы задает эмоциональный тон финала истории. Ценностная интеграция возможна как в ситуации победы, так и в ситуации поражения. Фабула литературного повествования, то есть последовательность изложения частей истории, может отличаться от хронологического порядка событий — сюжета, создавая интригу и вынуждая слушателя неоднократно перестраивать в своей голове нарративную схему. Такой литературный прием позволяет последовательно переоткрывать и наполнять оттенками смысл истории.

Согласно исследованиям Е. Тжебиньского [18], в речи может быть зафиксирован паттерн начинать повествование с описания намерения героя или с описания препятствия. Первый — проактивный тип нарратива характеризует людей с высокой мотивацией достижения личных целей, творческим подходом к жизни, информационным стилем конструирования идентичности, большей вероятностью достижения высокого уровня качества жизни, при большей неудовлетворенности своими достижениями на начальных этапах карьеры. Однако для такого типа характерны и большие эмоциональные затраты при достижении личных целей, что, при отсутствии поддержки со стороны близких, может привести к высокому риску сердечно-сосудистых заболеваний. Второй — защитный тип, отражающий желание защитить и сохранить позитивный статус-кво, больше характерен для человека, заботящегося о социальных ролях и удовлетворении ожиданий других, для него более характерен нормативный тип конструирования идентичности, подчас пессимистический взгляд на будущее.

Темы нарратива, согласно исследованиям Д. Макадамса [22], могут быть объединены в два класса: 1) относящиеся к проблемам личной, «субъектной» активности (Agency) героя: его победы или поражения, достижения и потери, приобретение или утрата статуса и права ответственности за других, укрепление или ослабление; 2) проблемы, относящиеся к теме близости (Communion) с другими: общность и одиночество, любовь и предательство, забота о ком-либо, дружба и вражда, понимание и общение, единение и отчужденность.

Финал истории может носить позитивный, негативный или нейтральный эмоциональный тон [19], отражая прогресс в реализации намерения героя, отступление (регресс) или стагнацию. Возможны и истории «с открытым финалом», намекающие на возможность любого исхода. Структурной опорой перехода между финалом истории и интерпретацией ее смысла является «последовательность». Д. Макадамс [22] выделял два ее вида: последовательность «компенсации/возмещения» (Redemption) или «порчи/поражения» (Contamination). В первом случае, несмотря на тяжелые испытания, поражения в отдельных битвах, несчастья, в финале повествования герой получает свою награду, в виде достижения желаемой цели или приобретения опыта. Во втором случае повествование организовано так, что даже величайшие победы в финале истории обесцениваются.

Д. Макадамс в своей теории личности [22, с. 161] предполагает, что индивидуальность человека может быть описана как «уникальный паттерн черт, адаптаций и историй». Первый уровень данной структуры составляют личностные диспозиции, такие как, например, черты «большой пятерки». Второй — паттерны социально-когнитивных механизмов адаптации личности к ситуациям, такие как мотивы или цели развития. Третий слой — это индивидуальные или Я-истории, обеспечивающие интеграцию и осмысленность первым двум уровням. Таким образом, общий абрис личности задается генетически детерминированными чертами. Динамические когнитивно-социальные системы адаптации (убеждения, установки, цели и мотивационные диспозиции, ценностно-смысловые паттерны и другие когнитивно-аффективные механизмы) детерминируют, насколько будут актуализированы и реализованы те личностные потенциалы, границы которых определяются биологически детерминированными чертами [22, 23]. Третий уровень представляют собой индивидуальные истории жизни, благодаря которым человек создает представление о своем Я.

«Жизненный путь как осмысленное целое, существующее для других в форме завершенных историй» [24, с. 496] — экзистенциальный феномен, требующий от автора определенного уровня личностной, когнитивной и человеческой зрелости. Опыт автобиографирования [25–29] формируется по мере когнитивного развития и социализации ребенка, в процессе которых последовательно осваиваются все более сложные формы Я-наррации. Согласно модели Т. Хабермаса и С. Блак [25], показательны четыре типа темпоральной согласованности событий: временная (умение выстроить события в хронологической последовательности); биографическая (умение включить в личную историю шаблоны культурно-типичных жизненных сценариев); причинно-следственная (умение отразить в истории причинно-следственные взаимосвязи событий жизни и паттерны «цель–средство») и, наконец, тематическая (умение организовать историю вокруг главной «темы», ценности или жизненного принципа, иллюстрацией которой будет конкретное жизнеописание). Именно тематически структурированное изложение своей жизни выполняет функцию интеграции автобиографической памяти вокруг определенной идентичности. Жизненные истории такого типа начинают активно рассказываться в период старшего подросткового — младшего юношеского возраста, на их основе строится интегрированный образ Я как субъекта жизненного пути с устойчивыми личностными свойствами [22, 25–29].

В культурно-исторической перспективе автобиографирование как культурная практика также возникла довольно поздно. Историки [30] связывают массовое появление «эго-документов» (мемуаров, дневников, автобиографий) в культурной среде европейской цивилизации последней четверти XVIII в. с публикацией «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо (1782). Работа оказала большое влияние на умы современников. За первую декаду XIX в. только в Нидерландах появляется столько автобиографий, сколько за весь XVI в., за столетие же их объем превышает корпус XVI в. уже в 10–15 раз, и в дальнейшем только растет [30]. Содержательно работы Ж.-Ж. Руссо изменили и отношение современников к детским воспоминаниям. Их начинают интерпретировать как процесс и основу становления личности взрослого. В связи с этим формируется новый канон автобиографического повествования: после 1800 г. авторы Я-нарративов воспринимают жизнь как процесс роста, а жизненный путь описывают как динамику личностного развития. Закрепляется когнитивная схема мотивационно-каузальной согласованности нарратива [по 21]. Сущностью коммуникативного высказывания и основными вопросами автора автобиографии становятся вопросы «кто я?» и «как я стал таким?». Успех «Исповеди» подвел европейских издателей к идее финансовых перспектив публикаций автобиографий и мемуаров известных людей, распространяя и закрепляя культурную модель практик публичного изложения собственной жизненной истории.

Современные исследователи в области когнитивных наук [31, 32] склонны полагать, что «Я» человека — это сложная когнитивная иллюзия, складывающаяся из множества подобных историй нашей жизни, организованных в автобиографический Я-нарратив с единым главным героем. По аналогии с воспринимаемым нами иллюзорным квадратом, которого в действительности нет на изображении (рис. 3.), «Я» формируется в качестве «центра хроникальной гравитации» жизненных историй (Деннетт, цит. по: [31, с. 18]).

Субъективное переживание самоидентичности Я обеспечивается подсистемой автобиографической памяти [33] и быстрым переключением внутренних Я-позиций в зависимости от коммуникативного контекста взаимодействия [34]. Конструктивный характер памяти, легко модифицирующий или даже порождающий ложные воспоминания под текущую задачу, давно не секрет для психологии [26, 33, 35, 36]. Однако с точки зрения личной идентичности особой значимостью обладает феномен, обозначенный В.В.Нурковой [33, с.461] как «позитивная конструктивность» автобиографической памяти: спонтанная модификация воспоминаний о своем опыте в различных областях в пользу 1) субъективного повышения вклада собственной активности в результат деятельности и 2) позитивной эмоциональной переоценки протекания прошлых событий, при снижении критичности к модифицированным воспоминаниям. Автобиографическая память выступает здесь в функции личностного ресурса. Накопление с возрастом подобных элементов автобиографической памяти выступает в компенсаторной функции. Очевидна и роль данного механизма в поддержку конструирования личной идентичности как автора собственной жизни, воплощающего значимые ценности.

Таким образом, способность личности к рефлексивному вычленению при анализе событий собственного жизненного пути уникальной линии поведения (чувствительной к ситуационному контексту, отражающей своеобразие по сравнению с другими, отличающейся постоянством во времени); готовность принимать моральную ответственность за жизненные выборы (позиционировать себя в качестве субъекта, (со)автора жизненного пути); умение ценностно интегрировать негативный и позитивный жизненный опыт рассматриваются нами в качестве основных элементов построения личной идентичности. Конструирование самоидентичности в пространстве целостного жизненного пути — экзистенциальная задача, имеющая нарративное решение. Автобиографический Я-нарратив — когнитивная схема интерпретации личного опыта, имеющая определенные структурные особенности, выступает в качестве основного механизма конструирования идентичности. Выбор стратегии поиска самоидентичности (стиль идентичности) может быть связан с предпочитаемой формой Я-наррации.

Целью нашего эмпирического исследования было проследить характер связи между стилевыми особенностями конструирования идентичности и структурными особенностями автобиографических Я-нарративов.

Предметом анализа выступали нарративная схема конструирования личной идентичности в рамках отдельных Я-определяющих воспоминаний и целостного автобиографического Я-нарратива; стиль конструирования идентичности.

Объектом исследования выступили тексты автобиографий, данные биографического и нарративного интервью, описания Я-определяющих воспоминаний,

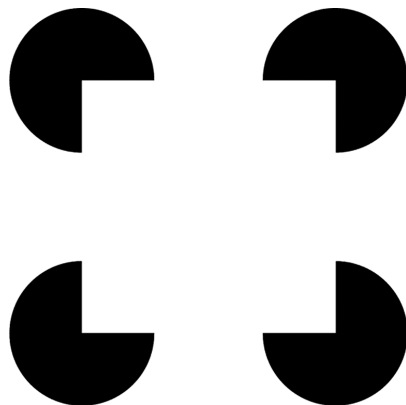

Рис. 3. Зрительная иллюзия гештальта восприятия отсутствующего на рисунке белого квадрата как образ иллюзии «Я» [31, с.18]

а также данные психодиагностики стиля идентичности и экзистенциальных установок представителей двух поколений.

Выборку участников исследования составили 43 человека, участвовавшие в устном биографическом интервью, собранном магистрантом А. Н. Исаевой в 2016 г. [37]: 25 человек (10 м, 15 ж) в возрасте 18–25 лет (1991–1999 года рождения, поколение Y) и 18 человек (4 м, 14 ж) в возрасте 35–55 лет (1961–1981 года рождения, поколение X); а также авторы 77 текстов автобиографий из корпуса Биографического фонда СИ РАН: 34 автобиографии респондентов 1963–1983 года рождения, собранные в 1990-е (5 м, 29 ж), и 43 — респондентов 1983–2003 года рождения, собранные в 2000-е (8 м, 35 ж). Подобная выборка позволила уравнивать при анализе структурных особенностей Я-нарратива вклад факторов возраста респондентов и социально-культурного дискурсивного контекста (принадлежности к определенному поколению).

Методы исследования. На первом этапе на выборке 43 респондентов диагностировались предпочитаемые каждым из участников стратегии конструирования личной идентичности и статус ее достижения на данный момент (опросник ISI-5, М. Берзонского в адаптации Ю. Е. Зайцевой, А. Н. Исаевой [37]). Затем каждый из респондентов писал автобиографическое сочинение на тему «Краткая история моей жизни» (стандартизированное по объему и времени написания: 20 мин., лист А4), включающее в себя «основные вехи жизни, несколько слов о себе и взгляд на будущее». После чего респондентов просили составить краткие описания семи наиболее значимых событий их жизни (Я-определяющих воспоминаний) и на их основе устно рассказать историю своей жизни, отвечая на общий вопрос: «Как Вам кажется, являетесь ли Вы автором своей жизни?» По окончании свободного изложения автобиографии интервьюер возвращался к вопросу об авторстве и просил респондента резюмировать свой ответ. Транскрибированные тексты интервью, Я-определяющие воспоминания и автобиографические сочинения кодировались тремя экспертами. По описываемой выше схеме выделялись: 1) общая позиция относительно авторства собственной жизни; 2) отношение к негативному жизненному опыту и перспектива будущего в контексте его компенсации; 3) общий уровень и преобладающий тип нарративной согласованности (кодировка по: [38]); 4) параметры структуры Я-нарратива по модели «золотой рыбки» (см. выше). Затем из общей выборки были отобраны Я-нарративы респондентов, продемонстрировавших по данным психодиагностики: «чистые стили (доминирование одной из стратегий и низкая выраженность остальных)», «стиль с доминирующей стратегией» (доминирование одной при средней выраженности остальных), «противоречивый стиль» (несколько ярко выраженных стилей), «стиль со слабовыраженными стратегиями». Проведен сравнительный качественный анализ структурных и содержательных характеристик Я-нарративов в этих группах.

На втором этапе полученные на небольшой выборке «чистых стилей» закономерности проверялись на материале 77 текстов автобиографий из БФ СИ РАН. Кодирование осуществлялось по той же схеме.

Результаты эмпирического исследования. Среди испытуемых старшей возрастной группы оказалось значительно большее количество людей, у которых одна стратегия явно доминировала (высокие значения только по одной шкале), а среди молодых чаще встречались люди с яркой выраженностью нескольких стратегий ($p = 0,013$,

Таблица 1. Распределения стратегий и стилей конструирования идентичности у представителей двух поколений

Стиль идентичности	Стратегии идентичности (ISI-5)	18–25 лет	35–55 лет
Стиль (N = 14)	Информационный стиль	3	1
	Нормативный стиль	0	8
	Диффузно-избегающий стиль	1	2
Противоречивые стратегии (N = 19)	Информационная и нормативная стратегии	10	4
	Нормативная и диффузно-избегающая стратегии	2	0
	Информационная и диффузно-избегающая стратегии	0	1
	Сочетание трех стратегий	2	0
Сочетание стратегий (N = 7)	Незначительное преобладание одной стратегии при средней выраженности остальных	5	2
Иные стратегии (N = 2)	Низкая выраженность всех стилей согласно шкалам опросника	2	0

хи-квадрат Пирсона) (табл. 1, [37]). Полученные данные подтвердили теоретическое положение М. Берзонского о закреплении с возрастом стратегий в виде стилей.

Была обнаружена статистически значимая положительная взаимосвязь между возрастом и выраженностью нормативной стратегии ($r = 0,46$; $p = 0,0018$). Проверка гипотезы о проявлении ценностных особенностей данного поколения на материале корпуса текстов БФ не дала однозначного подтверждения данному предположению.

Качественный анализ показал, что с возрастом некоторые паттерны конструирования идентичности усиливаются (табл. 2–4).

Нарративное согласование в виде доминирования **хронологической последовательности** чаще всего совпадало с описанием героя как пассивного субъекта,

Таблица 2. Характер интеграции негативного жизненного опыта людьми с разными стилями идентичности (сравнительный качественный анализ)

Стиль (М. Берзонский)	Характер интеграции негативного жизненного опыта (компенсация «неуспеха»)
Информационный	Принятие неуспеха как жизненного опыта Извлечение смысла из жизненного урока Ожидание новых возможностей в переменах
Нормативный	Утешение в воспоминаниях о позитивном опыте прошлого Компенсация неуспеха в сфере достижений за счет успешности в сфере близости Компенсация собственного неуспеха вкладом в успешность близких людей
Диффузно-избегающий	Позитивная переоценка будущего Надежда на счастливый случай Необоснованно оптимистичный взгляд на кардинальные перемены в жизни в будущем

Таблица 3. Позиционирование себя в качестве субъекта, автора собственной жизни людьми с разными стилями идентичности (сравнительный качественный анализ)

Стиль (М. Берзонский)	Позиция ответственности субъекта жизни	Обоснование темы «авторства» в Я-нарративе
Информационный	Я как автор	Обоснование авторства через примеры жизненных ситуаций. Последовательный анализ локуса причинности событий
Нормативный	Я как соавтор	Подчеркивание роли совместного управления жизнью, влияния на нее значимых других, социального окружения, Бога. Отношение к авторству как к вынужденной мере, связанной с одиночеством, отсутствием помощи, вынужденной самостоятельностью
Диффузно-избегающий	Я как не автор Автор — случай	Подчеркивание внешних или внутренних обстоятельств (состояний), которые не поддаются контролю или управлению Мотивы и причины собственных выборов не осознаются

Таблица 4. Доминирующие паттерны структуры Я-нарративов у людей с различным стилем идентичности

Стиль (М. Берзонский)	Особенности Я-нарратива в зависимости от ведущей темы (по Д. Макадамсу)		Нарративная согласованность (Т. Хабермас, С. Блак)
	Личная активность	Близость	
Информационный	Доминирует. Подчеркивается приложение личных усилий, новизна опыта	Обезличенное описание групп значимых других	Доминирует Мотивационно-каузальная
Нормативный	Подчеркивается общность и согласованность намерений, помощь в их реализации	Доминирует. Подчеркивается обретение и сохранение множества значимых отношений на протяжении жизни; преемственность	Доминирует Биографическая
Диффузно-избегающий	Подчеркивается успех без приложения усилий, удовольствие от жизни, избегание рутины	Подчеркивается требования любви других к себе	Доминирует Хронологическая

эмоционально реагирующего на происходящее и имманентно тождественного самому себе. Согласование эпизодов по принципу «Что случилось со мной в жизни?» часто встречается при диффузно-избегающем стиле идентичности. Структура нарратива не полна: представлены финал истории и пресс, отсутствует эксплицитное описание интенции и интеграция. **Биографический** способ нарративного согласования чаще представлен при способе самоидентификации через сравнение с другими людьми. Последовательность жизненных событий сопоставляется с культурно-типичным, нормативным жизненным сценарием. Вопрос, задаваемый автором автобиографии: «В чем я был лучше или хуже других (успешней, удачливей, счастливей)?» Структура нарратива часто полная, тема близости доминирует над темой личной активности, подчеркивается значимость совместно разделяемой интенции, интеграция через ценности нормативной ориентации и интересов расширенной семьи. Часто используется местоимение «мы», позиция субъекта, как и в первом случае, рассматривается скорее как пассивная, обусловленная объективными и устойчивыми параметрами (чертами личности, везением, сложностью жизненных задач, не зависящим от субъекта состоянием). Часто встречается у людей с высоким уровнем нормативной стратегии. **Каузально-мотивационный** тип согласования чаще всего связан с подчеркиванием активной жизненной позиции субъекта. Поиск самоидентификации происходит по сравнению с самим собой. Подчеркивается нетождественность себя на различных этапах жизни и роль личных жизненных усилий по достижению этих изменений. Основной вопрос автора автобиографии, который он задает себе: «Кем я стал по сравнению с самим собой?» Идентификация происходит с личным жизненным пространством (сферой интересов, профессиональной идентичности, друзей и сообществ) и сопровождается тенденцией к его расширению, экспансии. Важной ценностью, через которую интегрируются как истории поражений, так и истории побед является личный опыт, приложение жизненных усилий. Неизменной ценностью остается новизна. Местоимение «я» в тексте звучит значимо чаще, чем «мы». Описания значимых других преимущественно категориальные, безличные: «коллеги», «друзья», «любимые люди». Тема авторства жизни обосновывается через примеры многочисленных жизненных ситуаций, в которых совершался личный выбор, герой выступал в качестве автора своей судьбы. Тип характерен для представителей информационного стиля. **Тематический тип** согласования также отражает активную субъектную позицию, однако ориентирован на подчеркивание самотождества субъекта, обретение им ценностной идентичности. Основной вопрос: «Ради какой ценности я жил?» Истории рассказываются в контексте их связи с общей темой, может быть подчеркнута изменение отношения к происходившим событиям, переосмысление. Авторство жизни скорее признается не за героем, но за нарратором. В нашей выборке в чистом виде практически не встречался.

Обсуждение результатов эмпирического исследования. Автобиографический Я-нарратив как когнитивная схема понимания смысла личных жизненных историй позволяет человеку построить целостную интерпретацию совокупности жизненных событий, в идеале — жизненного пути в целом. Кодирование связанных с идентичностью элементов автобиографической памяти происходит в форме нарративных схем. Структура данной схемы может быть культурно- или личностно-

типична. В качестве элементов структуры можно выделить: тип начала истории (проактивный/защитный [18]), тему нарратива (активности/близости [22]), тон (оптимистичный/пессимистичный [19]) и характер ценностной интеграции или обесценивания опыта (последовательность возмещения/порчи [22]). Нарративная согласованность [25] целостной Я-истории обеспечивает иллюзию единства идентичности, за счет тематического упорядочивания событий во времени и единства главного героя истории.

Полученные нами данные о характерных паттернах автобиографических Я-нарративов людей с доминированием определенной стратегии самоопределения показывают следующие закономерности. Преобладание в анализе событий жизненного пути одного из аспектов линии поведения (чувствительной к ситуационному контексту, отражающей своеобразие по сравнению с другими, отличающейся постоянством во времени), на наш взгляд, проявляется в стиле идентичности. Так, *диффузно-избегающий* стиль чутко к ситуационной изменчивости, ориентирован на открытую потенциальность будущего, но в силу недостатка представленности в ментальном пространстве двух других параметров человек с данным стилем часто приписывает причины собственных жизненных выборов случайности или воздействию других людей. Мучительно переживается необходимость выбора. По возможности укорачивается временная перспектива. Основная задача ограничивается перманентным конструированием идентичности, единичным выбором. Ценностный дискурс — хаоса. Человек *нормативного стиля*, на наш взгляд, ориентирован на отождествление и различие себя с другими, время переживает топологически в контексте взаимодействия с конкретными людьми, в качестве субъекта видит сообщества. Недостаточная чувствительность к динамике социального контекста удерживает в привычных паттернах поведения, однако они не воспринимаются как таковые. Ориентация на будущее, требовательность к передаче традиций. Мыслит в пространственных метафорах. Основная задача — защита сформированной идентичности, ее продление. Ценностный дискурс — порядка. Сформировавший *информационный* стиль очень внимателен к временному фактору. Личностная изменчивость, перемены в жизни, смена социального окружения — в центре историй. Постоянство активных перемен, экспансия жизненного пространства, единственной константой этого жизненного движения является сам субъект в качестве произвольного актора, осознанно провоцирующего данные изменения. Недостаток внимания к другим людям, деталям ситуации компенсируется готовностью интегрировать негативный жизненный опыт и повторить попытку в новых жизненных условиях. Такая экзистенциальная смелость в самоизменении открывает задачу осознанного переконструирования идентичности. Ценностный дискурс — свободы. *Тематическая* согласованность предполагает интеграцию трех предыдущих уровней и ценностно-смысловую рефлексивность. Такая задача требует экзистенциальной зрелости и является новообразованием взрослости [24, 38]. Нарративное умение находить тождество в различном, способность к деконструкции ценностей, готовность совершать осознанные усилия по снижению неопределенности будущего через систему поддержки уникальных связей с миром (не в логике личной успешности или общественной значимости, но через осознание незаменимости) — все это отражает начало формирования экзистенциальной идентичности. Принятие

себя как экзистенциальной целостности, несмотря на раздробленность, множественность и изменчивость эмпирических Я; ценностное отношение к своим жизненным усилиям невзирая на их эффективность и социальную оценку; осознанность к самодетерминации, в том числе в ценностно-смысловом отношении, феноменологически переживается как чувство собственного достоинства и свидетельствует о достижении экзистенциальной идентичности. В своей коммуникативной практике такой человек способен поддерживать ценностный дискурс свободы и достоинства.

Мы полагаем, что предложенная нами модель нарративного анализа стиля личной идентичности может способствовать пониманию механизмов «непрерывного саморегулируемого взаимодействия индивида с миром» [38]. Задача самоопределения, стоящая перед человеком в процессе его постоянного становления в полемике динамичных отношений с миром, где лишь он способен улучшить эти отношения, требует от исследователя соразмерных инструментов. На наш взгляд, таким инструментом является экзистенциально-нарративный подход, в теоретических и методологических рамках которого разработана эта модель.

Литература

1. Johnson M. The Narrative Context of Self and Action // *Moral Imagination: Implications of Cognitive Science for Ethics*. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 150–184.
2. Гуревич П. С., Спирина Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. 368 с.
3. Расторгуев М. В. Кризис «антропологии самоидентичности» в современной культуре: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-н/Д., 2006. 32 с.
4. Андрусенко В. А., Емельянов Б. В., Любутин К. Н., Стрелец Ю. Ш. *Философия самоопределения*. Оренбург: Изд-во Оренб. гос. ун-та, 1996. 212 с.
5. Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: матер. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. З. И. Рябикиной и В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. 301 с.
6. Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2005. 390 с.
7. Зайцева Ю. Е. Идентичность и чувство собственного достоинства личности в мультикультурном пространстве // *Психологические проблемы взаимовлияния культур и целостность личности: матер. 4-й междунар. конф. по проблемам психологии культуры (19–20 июня 2008 г.)* / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств; С.-Петерб. психолог. о-во; науч. ред. О. И. Даниленко. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2009. С. 23–28.
8. Berzonsky M. Social-cognitive perspective on identity construction // *Handbook of identity theory and research* / eds S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. New York: Springer, 2011. P. 55–77.
9. Глостанова М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // *Вопросы социальной теории. Человек в поисках идентичности: науч. альманах* / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Глостановой. М.: Ин-т философии РАН, 2010. Т. IV. С. 211–212.
10. Грицанов А. А. Идентификационный кризис // *Новейший философский словарь. Постмодернизм*. Минск: Современный литератор, 2007. С. 170.
11. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Апокалипсис смысла*. М.: Алгоритм, 2007. С. 17.
12. Мамардашвили М. К. *Психологическая топология пути*. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
13. Рикёр П. Путь признания. Три очерка / пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 268 с.
14. Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис: Кн. дом, 2001. 1038 с.
15. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
16. Ego identity: A handbook of psychosocial research / eds J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson, S. L. Archer, J. L. Orlofsky. New York: Springer, 1993. 391 p.

17. An Atlas of Interpersonal Situations / Kelley H. H., Holmes J. G., Kerr N. L., Reis H. T., Rusbult C. E., Van Lange P. A. M. New York: Cambridge University Press. 2003. 506 p.
18. *Тжебинский Е.* Нарративное понимание и нарративные действия // Постнеклассическая психология. 2006–2007. Т. 3, № 1. С. 56–80.
19. *Кросли М.* Нарративная психология: самость, психологическая травма и конструирование смысла. Харьков: Гуманитарный центр, 2013. 284 с.
20. *Тюна В. И.* Введение в сравнительную нарратологию: науч.-учеб. пособие для самостоятельной исследовательской работы. М.: Интрада, 2016. 145 с.
21. *Зайцева Ю. Е.* Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 16. 2016а. № 1. С. 118–136
22. *Макадамс Д. П.* Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 135–166.
23. *Caprara G. V., Vecchione M., Alessandri G., Gerbino M., Barbaranelli C.* The contribution of personality traits and self-efficacy beliefs to academic achievement: A longitudinal study // British Journal of Educational Psychology. 2011. Vol. 81. P. 78–96.
24. *Сапогова Е. Е.* Экзистенциальная психология взрослости. М.: Смысл, 2013. 767 с.
25. *Habermas T., Bluck S.* Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // Psychol. Bull. 2000. Vol. 126. P. 748–769.
26. *Нуркова В. В.* Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19, № 4. С. 22–30.
27. *Fivush R.* Owning experience: The development of subjective perspective in autobiographical memory // The self in time: Developmental perspectives / eds C. Moore, K. Lemmon. Mahwah, NJ: Erlbaum. 2001. P. 35–52.
28. *McAdams D. P.* Biography, narrative, and lives: An introduction // Psychobiography and life narratives: A special issue of the Journal of Personality / eds McAdams D. P., Ochberg R. L. Durham, NC: Duke University Press, 1988. P. 1–18.
29. *Singer J. A., Bluck S.* New perspectives on autobiographical memory: The integration of narrative processing and autobiographical reasoning // Review of General Psychology. 2015. Vol. 5. P. 91–99.
30. *Baggerman A., Dekker R., Mascuch M.* Egodocuments and history. A short account of the longue durée // The Historian. 2016. Vol. 78. P. 11–56.
31. *Худ Б.* Иллюзия «Я», или Игры, в которые играет с нами мозг. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
32. *Трубина Е. Г.* Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 152 с.
33. *Нуркова В. В.* Позитивная конструктивность автобиографической памяти: эволюционная перспектива // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тез. докл. (Светлогорск, 20–24 июня 2016). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 461–462.
34. *Херманс Г.* Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации // Постнеклассическая психология. 2006–2007. Т. 3, № 1. С. 7–53.
35. *Loftus E.* The reality of repressed memories // American Psychologist. 1993. Vol. 48, N 5. P. 518–537.
36. *Brewin C. R., Andrews B.* Creating Memories for False Autobiographical Events in Childhood: A Systematic Review / Appl. Cognit. Psychol. 2016. DOI: 10.1002/acp.3220. Published online in Wiley Online Library (wileyonlinelibrary.com). ULR: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/acp.3220/pdf> (дата обращения: 29.10.2016).
37. *Исаева А. Н.* Стили идентичности в автобиографических Я-нарративах людей различных поколений: дис. ... магистра психологии. СПб., 2016. 121 с.
38. *Леонтьев Д. А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Вопросы психологии. 2016. № 3. С. 3–15.

Для цитирования: Зайцева Ю. Е. Модель нарративного анализа стиля идентичности // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 6–22. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.401

References

1. Johnson M. The Narrative Context of Self and Action. *Moral Imagination: Implications of Cognitive Science for Ethics*. Chicago, University of Chicago Press, 1993, pp. 150–184.
2. Gurevich P. S., Spirova E. M. *Identichnost' kak sotsial'nyi i antropologicheskii fenomen [Identity as a social and anthropological phenomenon]*. Moscow, Kanon+ROOI «Reabilitaciya» Publ., 2015. 368 p. (In Russian)

3. Rastorguev M. V. *Krizis «antropologii samotozhdestvennosti» v sovremennoi kul'ture*. Autoref. diss. kand. filosof. nauk ["*Anthropological Identity*" crisis in modern culture. Thesis of PhD]. Rostov-na-Donu, 2006. 32 p. (In Russian)
4. Andrusenko V. A., Emel'ianov B. V., Liubutin K. N., Strelets Iu. Sh. *Filosofia samoopredeleniia* [*Philosophy of Identity*]. Orenburg, Orenburg st. un-ty Publ., 1996. 212 p. (In Russian)
5. *Lichnost' i bytie: chelovek kak sub'ekt sotsiokul'turnoi real'nosti: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf.* [*Personality and Being: Human Being as an Agent of Sociocultural Reality*]. eds Z. I. Riabikina, V. V. Znakov. Krasnodar, Kuban' State University Publ., 2016. 301 p. (In Russian)
6. Bauman Z. *Individualizirovanoe obshchestvo* [*Personalized Society*]. Moacow, Logos Publ., 2005. 390 p. (In Russian)
7. Zaitseva Iu. E. Identichnost' i chuvstvo sobstvennogo dostoinstva lichnosti v mul'tikul'turnom prostranstve [Identity and Personal Sense of Dignity in Multicultural Space]. *Psikhologicheskie problemy vzaimovlianiia kul'tur i tselostnost' lichnosti: mater. 4-i mezhdunar. konf. po problemam psikhologii kul'tury (19–20 iunია 2008 g.)* [*Psychological problems of Interaction of cultures and personal integrity. 4th International Conference on Psychology of Culture: Abstracts, Saint-Petersburg, 19–20 June 2008*]. Ed. by O. Danilenko. S.-Peterb. gos. un-t kul'tury i iskusstv; S.-Peterb. psikholog. o-vo. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Culture and Art Publ., 2009, pp. 23–28. (In Russian)
8. Berzonsky M. Social-cognitive perspective on identity construction. *Handbook of identity theory and research*. Eds S. J. Schwaryz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. New York, Springer, 2011, pp. 55–77.
9. Tlostanova M. V. Chelovek v sovremennom mire: Problemy mnozhestvennoi identichnosti [Human Being in Modern World: Multiple Identity Issues]. *Voprosy sotsial'noi teorii. Chelovek v poiskakh identichnosti: nauch. al'manakh* [*Issues of Social Theory: Person in search for Identity. Research Almanac*]. Eds Iu. M. Reznik, M. V. Tlostanova. Moscow, Philos. Inst. of RSA Publ., 2010, vol. IV, pp. 211–212. (In Russian)
10. Gritsanov A. A. Identifikatsionnyi krizis [Identification crisis]. *Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm* [*Newest Philosophical Dictionary: Postmodernism*]. Minsk, Modern Litterateur Publ., 2007, pp. 170. (In Russian)
11. Khesle V. Krizis individual'noi i kollektivnoi identichnosti [Crisis of personal and collective identity]. *Apokalipsis smysla* [*Apocalypses of Meaning*]. Moscow, Algoritm Publ., 2007, pp. 17. (In Russian)
12. Mamardashvili M. K. *Psikhologicheskaia topologiia puti* [*Psychological Topology of the Course*]. Moscow, Fond Meraba Mamardashvili Publ., 2014. 1232 p. (In Russian)
13. Riker P. *Put' priznaniia. Tri ocherka* [*The Course of Recognition»: Three essays*]. Transl. from French. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2010. 268 p. (In Russian)
14. *Postmodernizm: entsiklopediia* [*Postmodernism: Encyclopedia*]. Eds A. A. Gricanov, M. A. Mozhejko. Minsk, Interpresservis: Kn. dom, 2001. 1038 p. (In Russian)
15. Erikson E. *Identichnost': iunost' i krizis* [*Identity, youth and crisis*]. Moscow, Progress Publ., 1996. 344 p. (In Russian)
16. *Ego identity: A handbook of psychosocial research*. Eds J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson, S. L. Archer, J. L. Orlofsky. New York, Springer, 1993. 391 p.
17. Kelley H. H., Holmes J. G., Kerr N. L., Reis H. T., Rusbult C. E., Van Lange P. A. M. *An Atlas of Interpersonal Situations*. New York, Cambridge University Press. 2003. 506 p.
18. Tzhebinskii E. Narrativnoe ponimanie i narrativnye deistviia [Narrative understanding and narrative actions]. *Postneklassicheskaia psikhologiia* [*Postnonclassical Psychology*], 2006–2007, vol. 3, no. 1, pp. 56–80. (In Russian)
19. Krossli M. *Narrativnaia psikhologiia: samost', psikhologicheskaia travma i konstruirovaniie smysla* [*Narrative psychology: self, trauma and construction of meaning*]. Harkov, Humanitarian Centre, 2013. 284 p. (In Russian)
20. Tiupa V. I. *Vvedenie v sravnitel'nuuu narratologiiu: nauchno-uchebnoe posobie dlia samostoiatei'noi issledovatel'skoi raboty* [*Introduction in comparative narratology: Handbook for independent researcher*]. Moscow, Intrada, 2016. 145 p. (In Russian)
21. Zaitseva Iu. E. Ia-narrativ kak instrument konstruirovaniia identichnosti: ekzistentsial'no-narrativnyi podkhod [Self-Narrative as an instrument of identity construction: existential-narrative approach]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 16*, 2016, no. 1, pp. 118–136. (In Russian)
22. Makadams D. P. *Psikhologiia zhiznennykh istorii* [Psychology of life stories]. *Metodologiia i istoriia psikhologii* [*Methodology and History of Psychology*], 2008, no. 3, pp. 135–166. (In Russian)
23. Caprara G. V., Vecchione M., Alessandri G., Gerbino M., Barbaranelli C. The contribution of personality traits and self-efficacy beliefs to academic achievement: A longitudinal study. *British Journal of Educational Psychology*, 2011, vol. 81, pp. 78–96.

24. Sapogova E.E. *Ekzistentsial'naiia psikhologiia vzroslosti [Existential psychology of adulthood]*. Moscow, Smysl Publ., 2013. 767 p. (In Russian)
25. Habermas T., Bluck S. *Getting a life: The emergence of the life story in adolescence*. Psychol. Bull. Publ., 2000, vol. 126, pp. 748–769.
26. Nurkova V.V. Samoopredelialiushchie narrativy v razvitiu lichnosti [Self-Defining Narratives in personal development]. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2014, vol. 19, no. 4, pp. 22–30. (In Russian)
27. Fivush R. Owning experience: The development of subjective perspective in autobiographical memory. *The self in time: Developmental perspectives*. Eds C. Moore, K. Lemmon. Mahwah, NJ, Erlbaum Publ., 2001, pp. 35–52.
28. McAdams D.P. Biography, narrative, and lives: An introduction. *Psychobiography and life narratives: A special issue of the Journal of Personality*. Eds D. P. McAdams, R. L. Ochberg. Durham, NC, Duke University Press, 1988, pp. 1–18.
29. Singer J.A., Bluck S. New perspectives on autobiographical memory: The integration of narrative processing and autobiographical reasoning. *Review of General Psychology*, 2015, vol. 5, pp. 91–99.
30. Baggerman A., Dekker R., Mascuch M. Egodocuments and history. A short account of the longue durée. *The Historian*, 2016, vol. 78, pp. 11–56.
31. Khud B. *Illiuziia «Ja», ili Igyr, v kotorye igraet s nami mozg [The Self-Illusion: Why There is No You Inside Your Head]*. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 384 p. (In Russian)
32. Trubina E.G. *Rasskazannoe Ia: Problema personal'noi identichnosti v filosofii sovremenosti [Narrated Self: Problem of personal identity in modern philosophy]*. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 1995. 152 p. (In Russian)
33. Nurkova V.V. Pozitivnaia konstruktivnost' avtobiograficheskoi pamiati: evoliutsionnaia perspektiva [Positive constructiveness of autobiographical]. *Sed'maia mezhdunarodnaia konferentsiia po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov. Svetlogorsk, 20–24 iunია 2016 [7th International Conference on Cognitive Science: Abstracts, Svetlogorsk, 20–24 June 2016]*. Moscow, Institute of Psychology of RSA Publ., 2016, pp. 461–462. (In Russian)
34. Khermans G. Lichnost' kak motivirovannyi rasskazchik: teoriia valuatsii i metod samokonfrontatsii [The person as a motivated storyteller: Valuation theory and the self-confrontation method]. *Postneklassicheskaiia psikhologiia [Postnonclassical Psychology]*, 2006–2007, vol. 3, no. 1, pp. 7–53. (In Russian)
35. Loftus E. The reality of repressed memories. *American Psychologist*, 1993, vol. 48, no. 5, pp. 518–537.
36. Brewin C.R., Andrews B. Creating Memories for False Autobiographical Events in Childhood: A Systematic Review. *Appl. Cognit. Psychol.* 2016. DOI: 10.1002/acp.3220. Published online in Wiley Online Library ([wileyonlinelibrary.com](http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/acp.3220/pdf)). Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/acp.3220/pdf> (accessed: 29.10.2016).
37. Isaeva A. N. *Stili identichnosti v avtobiograficheskikh Ia-narrativakh liudei razlichnykh pokolenii. Diss. ... magistra psikhologii [Identity style in autobiographical Self-Narratives of members of different generations. Master Thesis in Psychology]*. St. Petersburg, 2016. 121 p. (In Russian)
38. Leont'ev D.A. Ekzistentsial'nyi podkhod v sovremennoi psikhologii lichnosti [Existential approach in modern personality psychology]. *Voprosy psikhologii [Psych. Iss.]*, 2016, no. 3, pp. 3–15. (In Russian)

For citation: Zaitseva Yu.E. Model of Narrative Analysis of Personal Identity Style. *Vestnik SPbSU. Series 16. Psychology. Education*, 2016, issue 4, pp. 6–22. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.401

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2016 г.;
принята в печать 11 октября 2016 г.